

УДК 94(495).02, 94(495).03

**ИНСТИТУТЫ ВОЕННОГО НАЕМНИЧЕСТВА И ВОЕННОГО
СОЮЗНИЧЕСТВА В АРМИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ СЕРЕДИНЫ
IX – НАЧАЛА XII ВЕКА: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА**

Карашайски К. М.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: kemkarr@mail.ru*

Предпринята попытка проследить эволюцию взглядов на византийскую военно-административную систему середины IX – начала XII века и место в ней иностранного наемного и союзного элементов, а также выделить ряд основных историографических проблем, связанных с затрагиваемой темой. В их числе указываются проблемы терминологического характера (соотношение понятий «федераты», «наемники», «союзники»); этнической и религиозной принадлежности; правового статуса и дипломатических отношений; привлечения, организации и обеспечения иноэтничных воинских формирований; условий, приведших к их активному использованию в имперской политике и военных кампаниях; отражения представлений об иностранцах-наемниках и отношения к ним в византийской литературе. Рассматриваются вопросы о разделении и содержании институтов военного наемничества и военного союзничества как двух форм привлечения иноземных военных контингентов на службу в византийской армии, а также их роли во внутренних и внешних делах империи.

Ключевые слова: Византия, византийская армия, военное наемничество, военное союзничество, этерия, варяги, росы.

Война, армия и ее организация являлись одним из главных предметов заботы Византийского государства на протяжении всей ее истории. Не случайно, византийский полководец XI в. Кекавмен отмечал: «Войско – слава василевса и сила дворца. Без войска не удержится государство, но всякий желающий воспротивится тебе» [64, с. 293]. Поэтому изучение военной системы и военной истории Византии, равно как и ее отдельных аспектов, всегда занимало особое место в византиноведении.

Одним из таких аспектов, чрезвычайно важных в рамках рассматриваемой темы исследования, является та особая роль, которые играли иноэтничные вооруженные формирования в византийской армии периода Македонской династии и первых Комнинов. Несмотря на большое количество работ, как общих, так и специальных, посвященных истории византийских войн и военного дела, лишь немногие исследователи пытались рассматривать феномен службы наемных отрядов иноземцев в качестве системы, отдельного института, складывающегося и развивающегося на особом этапе существования Византийского государства и соседних регионов. Еще сложнее обстоит дело с разделением и содержанием двух институтов – военного наемничества и военного союзничества. Последний лишь иногда рассматривается в специальных исследованиях, авторы которых часто

ограничиваются постулированием того, что контингенты наемников (*μισθοφόροι*) следует, вероятно, отделять от войск союзников (*σύμμαχοι*). Между тем, именно понимание характера этого разделения, как нам кажется, может открыть новые перспективы для анализа тех или иных событий византийской истории, поступков действующих лиц и отношений внутри и за пределами империи.

Уже в 1688 г. один из первых европейских византинистов Ш. Дюканж поместил в своем «Греческом глоссарии» важные для темы нашего исследования термины – «варанги», «руга», вместе со списком их упоминаний в источниках. Варангов французский историк охарактеризовал в качестве англо-датских наемников – телохранителей императора [13, p. 175].

Следует отметить классическую работу Э. Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи», в которой британский историк XVIII в., несмотря на широту своего фундаментального исследования и стремление к объективности, на долгие годы утвердил в литературе идею о «тысячелетнем вырождении и упадке» Византийской цивилизации [56]. В таком же ключе историк рассуждает о положении империи в VIII – XII вв., говоря об «упадке национального мужества», когда «главную силу византийских армий» составляли иноземные наемники, «франки, варвары и варанги или англичане» [56, с. 214]. Повествуя об отряде варангов, отправленных древнерусским князем Владимиром в качестве военной поддержки византийскому императору Василию II Болгаробойце (976–1025), Э. Гиббон называет их «буйными детьми севера», которых следует (по совету древнерусского князя) «распределять ... по различным местам, употреблять их на службу, награждать их и сдерживать». Исследователь отмечает, во-первых, этническую принадлежность воинов и пути пополнения подразделений («вновь прибывшие варанги были английские и датские переселенцы»; «их ряды пополнились благодаря прибытию с острова Фулы многочисленного отряда их соотечественников»), а, во-вторых, обретенный ими высокий статус («доверие и уважение к ним увеличивались с каждым днем, все они были собраны в Константинополе, чтобы нести службу телохранителей»; «были приняты византийским двором и сохраняли до последних времен империи наследственную безупречную честность... сопровождали греческого императора и в церковь, и в сенат, и в ипподром, он и спал, и пировал под их надежной охраной, и в руках этих мужественных и преданных варангов находились ключи от дворца, от казначейства и от столицы») [2, с. 294]. На становление корпуса варангов, как основы императорской гвардии в XI в., указывал затем и Д. Финлей [18, p. 14, 50–51].

Те не менее, в последующих главах Э. Гиббон констатирует, что в правление Романа IV Диогена (1068–1071) константинопольские наемные войска включали «ненадежных иноземцев» [56, с. 396], а основную силу армии составляли «европейские подданные и союзники – македонские легионы и болгарские эскадроны, молдавская орда узов... а главным образом наемные отряды отважных франков и норманнов» [56, с. 398–399].

Важно отметить, что Э. Гиббон пытается выявить и причину, которая привела к возрастанию числа и роли иноземных наемников, усматривая ее в метафизическом «упадке национального мужества» византийцев. Этот его тезис затем подхватили многие авторы работ по общей истории военного дела и военной теории XIX – начала XX вв.

Первая группа военных историков, говоря о «приходящем в упадок востоке», обозначала в качестве лучшей и наиболее боеспособной группе византийской армии «банды федератов» (Ф. В. Рюстов, А. К. Пузыревский, Н. П. Михневич).

Немецко-швейцарский исследователь Ф. В. Рюстов, основываясь на сочинениях Прокопия Кесарийского (VI в.), рассматривал такое военное положение империи вплоть до второй половины X в., хотя и упоминал мельком о «регламентах» Льва VI (886–912), Константина VII Багрянородного (945–959) и Никифора II Фоки (963–969). Он акцентировал внимание на трудностях набора войска, производившегося беспорядочно, противодействию рекрутированию варваров, селившихся на территории империи, коррумпированности чиновничества и фаворитизме, что, в совокупности, приводило к нехватке солдат и деградации армии. Вместе с тем уже тот же Ф. В. Рюстов проводил черту между «федератами» и «войсками, завербованными иным способом», «в качестве контингента федератов, а не как солдат императора». Не желая смешиваться с имперскими отрядами, «толпы варварского племени» употреблялись в качестве отдельных формирований. В них исследователь видел более разорителей империи, нежели ее защитников («они служили за дорогое жалованье и в надежде на богатую добычу, которая только в редких случаях приобреталась в неприятельской стране»), хотя и признавал, что «в этих толпах были хорошие воины» [90, с. 53–54, 67].

Об упадке нравственного состояния армии, ее качественном и количественном ослаблении, злоупотреблениях и трудностях набора к X в., а также «бандах федератов» в качестве лучших войск писали А. К. Пузыревский [87, с. 21–23], Н. П. Михневич [75, с. 110–115], авторы Военной энциклопедии Сытина [62, с. 85].

Британский военный историк Ч. Оман видел начало процесса масштабного «онаемничивания» византийской армии в последствиях военной катастрофы при крепости Манцикерт в 1071 г., в которой погибли азиатские войска империи – основа ее вооруженных сил [33, р. 47]. На смену же им при Алексее I Комнине (1081–1118) пришли «немногочисленные национальные отряды» наемного войска, «ядром которого была имперская гвардия варягов – русских, датчан и англичан... с тюркскими, франкскими, сербскими и южнославянскими вспомогательными силами» [34, р. 260].

Г. Дельбрюк в своей «Истории военного искусства», рассматривая византийскую армию для конца VI–XII вв., выделяет в качестве одной из причин привлечения иностранных наемных контингентов нехватку людских ресурсов, которую не могли восполнить даже «переселения и поселения варваров» [58]. Он отмечает особое значение в византийском войске наемников-варангов, возводя само их имя к слову «союзники» («foederati»). Однако, взгляды автора во многом отличаются от воззрений его предшественников. Так, он говорит о большом

расцвете империи в X – XI вв., особенно при Василии II Болгаробойце, связывает увеличение в источниках сообщений об изменениях в налоговой сфере с возможностями централизованного распределения солдатских выплат и найма иностранных воинов. Главное отличие византийской армии от войск западноевропейских стран немецкий исследователь видел именно в той огромной роли, которую в ней играли иноземные наемные отряды. Как и Ч. Оман, переломным моментом военной истории Византийской империи он считает битву при Манцикерте, когда Византия «поручает охрану страны почти исключительно наемникам» [58, с. 123–125].

Вторую группу военных историков XIX в. следует обозначить как, во-первых, склонных симпатизировать Византии и ее военной системе, а, во-вторых, предпринявших попытку систематизировать и охарактеризовать такие явления в ее внутренней организации, как наемничество и союзничество.

Н. С. Голицын, подробно разбирая византийское военно-административное устройство и состав армии, выделяет следующие особенности вспомогательных войск («foederati, вроде древних римских союзников»): 1) состоят из пограничных, иноземных, неоседлых народов; 2) несут пограничную службу; 3) получают жалованье, продовольствие и земли на границах империи; 4) сохраняют свои нравы и обычаи, отличаясь «своеволием, буйством и грабежом» [57, с. 30–32].

П. А. Гейсман, пожалуй, единственный, подчеркивает высокое влияние и величие греческой (византийской) цивилизации, культуры, религии, государства. Традиционно отмечая «понижение духовных сил и боевой годности византийских войск» во второй половине IX – середине X вв., исследователь все же указывает, во-первых, на преувеличенность этого тезиса, а, во-вторых, на факт восстановления эффективности армии при Никифоре II Фоке (963–969) и Иоанне I Цимисхии (969–976). Особое внимание он уделяет наемным войскам, отмечая, в частности, что «походы руссов против Византии имели следствием, между прочим, поступление русских дружин на службу империи». Исследователь разделяет эти силы на «вольные дружины» (фактически независимые отряды, поступающие на имперскую службу) и отряды, посланные князем Владимиром в результате дипломатических договоренностей. Создание этой системы историк относит ко времени правления Льва VI Мудрого (886–912), видя в ней одну из причин «возрождения» византийской армии [54, с. 113–114].

Военные историки советского периода (А. А. Строков и Е. А. Разин) интересовались рассматриваемыми нами вопросами лишь в контексте столкновений Византии со славянами. Для А. А. Строкова «дряхлающая» империя с «восточно-римской наемной» военной системой неизбежно проигрывала славянским племенам, обретая силы, лишь приглашая военных вождей славян вместе с их отрядами к себе на службу [92, с. 146–150]. Е. А. Разин признает положительную роль введения «фемного строя» в деле укрепления византийской армии. Более того, Византия X в. у него является «еще сильным государством, имевшим боеспособную армию, хороший флот и мощные оборонительные сооружения». Дополнительным

фактором, способствующим этому, он также определяет наем славянских отрядов и отдельных представителей славянской знати на службу [88, с. 64–68].

Несостоятельность описанных представлений об истории византийского государства и армии была уже доказана во второй половине XIX в. С этого времени начинают публиковаться работы выдающихся российских и зарубежных византинистов, посвященные военной истории империи. Для начала обратим внимание на общие исследования, после чего подробно разберем работы, касающиеся конкретных наемных подразделений византийской армии.

Институты военного наемничества и военного союзничества в общих работах по истории Византии. В 1883 г. немецкий историк Г. Ф. Герцберг в своей «Истории Византии» определил формирующийся при Македонской династии гвардейский корпус варангов как продолжение римской «лейб-гвардии» из союзных германских воинов-федератов. Он видел в наемниках, вербовавшихся, по его замечанию, на один или несколько походов, большую пользу для Византийского государства, рассматривая их в качестве благонадежной и стойкой военной силы. Г. Ф. Герцберг считал, что приток скандинавов в империю приходится на период княжения Владимира, который желал избавиться от «гнета скандинавской воинской касты и поощрял ее выселение» [55, с. 209–214]. Говоря о наемниках в армии Алексея I Комнина (1081–1118), историк выделяет следующие формы их привлечения: найм, вербовка пленных и поселение побежденных на имперских землях [55, с. 266].

Отдельные части своей монографии «Византийское государство и церковь в XI веке» посвятил изучению системы наемных сил в Византии и Н. А. Скабаланович. Все иноземные отряды (а под ними он понимал в основном варангов) исследователь разделил на две категории: простые наемники и императорские гвардейцы. Н. А. Скабаланович считал, что деление этерий было обусловлено их функциями и этнической принадлежностью составлявших их солдат: ромеев, в которых он видит исключительно «греков» тагмы экскувитов, и иностранцев (варангов). Великую Этерию ученый делил на варангов дворцовых (*οἱ ἐν τῷ παλατίῳ Βάρανγοι*) и внешних (*οἱ ἐκτός Βάρανγοι*), расквартированных в фемах. Другие иноземные силы, «войска народов», по его мнению, нанимались по необходимости на определенный период, для чего специально проводилась вербовка в других странах. Причина активного привлечения на службу иностранцев усматривается в сокращении людских ресурсов империи вследствие территориальных потерь; только лишь «ромейские» отряды уже не могли удовлетворить военных потребностей Византии. Кроме того, Н. А. Скабаланович попытался реконструировать систему высшего командования в корпусах иноземцев: дворцовые варанги подчинялись аколугу, караулы дворца (и варварские, и ромейские) находились в ведении друнгария виглы, великий этериарх управлял всеми варангскими отрядами (Великой Этерии) на территории империи; возглавляющий союзные силы полководец именовался этнархом [91, с. 31–58].

В масштабной «Истории Византийской империи» академик Ф. И. Успенский обратил внимание на случаи участия наемных и союзных сил в боевых действиях на

стороне ромеев. К примеру, на основании патриарших писем, делается вывод об активной вербовке союзников на севере Крымского полуострова в первой четверти X в. (миссия херсонского стратига Иоанна Воги к печенегам) [96, с. 225]. Разбирая привлечение наемников (росов и печенегов) к военным походам империи в X в., Ф. И. Успенский отметил фактор религиозного влияния на иностранных солдат: корпус «русских наемников» в Византии находился под «культурными воздействиями на них со стороны Церкви» [96, с. 317–318]. Признается особое значение варангов, франков и англосаксов, отряды которых исследователь определил в качестве «вольнораемной военной дружины». Процесс увеличения числа англосаксонских воинов при Алексее I Комнине Ф. И. Успенский объясняет сквозь призму политики противостояния с норманнами и «поворота к Западу» [95, с. 176]. Однако, в специальном исследовании «Военное устройство Византийской империи» внимания институтам наемничества и союзничества уже особо не уделяется [94].

Рассматривая военную историю Византии, французский византист Ш. Диль отмечал, что империя с большой охотой вербовала целые дружины варваров во главе с их собственными предводителями. Такое положение дел он объяснял большим доверием, которое питали императоры к иноземным воинам, которых не волновали внутренние дела в государстве, но чрезвычайно интересовало солдатское жалование. Исследователь писал: «Императоры охотно предоставляли крупные командные посты, высокие военные звания иноземцам, предпочитая их в интересах личной безопасности». Наемные силы, по мнению Ш. Дилья, составляли значительную часть армии на протяжении всей византийской истории [60, с. 81–82].

Интересным представляется наблюдение еще одного выдающегося отечественного византиста А. А. Васильева: «Вспомогательные отряды» скандинавов, славян, тюрок и франков используются в военных кампаниях Македонского времени, но характерная для византийской внешней политики попытка получить наемные отряды из Западной Европы в Комниновский период оборачивается началом масштабного крестоносного движения» [52, с. 21, 34–35]. Он же в отдельной работе «Начальные этапы англосаксонской иммиграции в Византию в XI веке» исследует вопросы службы англо-датских отрядов в империи [44].

Обозначая Македонскую эпоху в качестве периода подъема византийского могущества, В. Н. Бенешевич указывал, что основой «превосходной» армии императора Никифора II Фоки являлись «армяне и иверы, славяне и руссы и на вербованные иностранные наемники» [48, с. 92].

В своем очерке по византийской истории М. В. Левченко определял иноземцев-наемников (хазар, печенегов, иверов, амальфитанцев, «варягов-русов», англосаксов) в качестве «значительной части» дворцовых отрядов, начиная с IX в. Опираясь на данные трактата «De Ceremoniis», он пришел к выводу, что союзные контингенты поставлялись в византийскую армию зависимыми (вассальными) правителями. Традиционно отмечена им заинтересованность императоров в привлечении военных сил с территории Древней Руси [69, с. 140–146]. В качестве

основания для увеличения числа наемных сил в армии, по мнению М. В. Левченко после 1025 г., называется стремление византийского правительства к сокращению военных расходов и ослаблению местной аристократии [69, с. 168]. При описании «разноплеменной» армии Алексея I Комнина исследователь разделяет ее на гвардейские части «из англо-саксов и других наемников» и «вспомогательные отряды турок, франков, сербов» [69, с. 199–200].

Процесс роста числа и значения контингентов иностранных наемников в IX–середине XI вв. М. Я. Сюзюмов объяснял страхом правительства перед выступлениями «народных масс» и недоверием к собственным войскам. В этом он видит и причину военной катастрофы 1071 г. под Манцикертом [93, с. 318].

Близкую оценку состоянию византийской военной системы дал Г. Л. Курбатов. Он считает, что военные поражения и обеднение стратиотов в середине IX – X вв. привели к потере боеспособности армии, что вынудило правительство перейти к политике онаемничивания вооруженных сил, привлечению иностранцев в гвардейские корпуса. Эти шаги, по его мнению, усиливали именно те воинские подразделения, которые находились под личным контролем императора [65, с. 120].

Югославский византист Г. А. Острогорский видел в возрастающей к середине XI в. роли наемников признак деградации «национальных» вооруженных сил. Упадок феодальной системы, сокращение армии и замена стратиотской службы налоговыми выплатами связывается им с правлением императоров, опиравшихся на столичную чиновничью аристократию в противовес провинциальной военной знати. По его мнению, «варяго-русские», а затем «варяго-английские» отряды сменили собственно византийскую гвардию, которая, в конечном итоге, полностью прекратила свое существование [46, с. 412–413]. Г. А. Острогорский полагал, что Византия вынужденно перешла к массовой вербовке иностранных наемников, делая из армии «пеструю смесь народов» («варяги-русь, печенеги, куманы, турки, франки, немцы, англичане, болгары, абазги и аланы») в связи с осложнением положения империи в конце XI – начале XII вв. [85, с. 455].

Несколько чрезвычайно интересных замечаний об отношениях Византии с находящимися у нее на службе иностранными наемниками принадлежит Д. Д. Оболенскому. Британский византист указывал, что варанги, не образуя устойчивой этнической общности на территории империи в рамках общей концепции «Византийского Содружества», оказывали влияние не только на военно-политическую сферу, но и вступали в процесс межкультурного взаимодействия. Д. Д. Оболенский рассматривал эту проблему с позиций различных этносоциальных факторов – различий в темпераменте и моделях социального поведения, взаимовлияния и взаимной оценки и пр. [84, с. 248–252].

С наемниками-иноземцами, «людьми, чужими по своим обычаям, привязанностям и языку» А. П. Каждан связывал одну из причин, повлиявших на общую нестабильность византийской элиты [63, с. 51]. Он видел в них не только отдельное в этносоциальном плане сообщество, но и источник внутреннего противостояния в самой империи. Будучи наиболее боеспособной частью армии, иноземцы-наемники в то же время «были окружены враждебностью местного

населения... в войнах видели, прежде всего, чужаков, враждебных эллинской цивилизации», в то время как «сами византийцы (за исключением довольно узкой группы знати) все больше и больше отстранялись от военного дела» [63, с. 97–98].

Основополагающие в рамках темы нашего исследования понятия, такие как «наемники», «федераты» и др., содержатся в «Оксфордском словаре Византии», изданном в 1991 г. По мнению А. П. Каждана, главного редактора словаря, Византийская империя, постоянно нуждаясь в военной силе и профессиональных солдатах, использовала наемников (*μισθοφόροι*) на протяжении всей своей истории. В период с конца VII по IX вв. роль наемников в армии снизилась в связи с развитием фемной системы. Однако, уже в X – XI вв. наблюдается трансформация военной организации в сторону активного привлечения наемных сил. Такие изменения объясняются, во-первых, кризисом стратиотской модели набора, в ходе которого личная служба заменялась налоговыми сборами, которые шли на оплату иноземных солдат, во-вторых, в связи с потерей в последней трети XI в. значительных территорий Малой Азии, являвшихся основным источником людских ресурсов. В качестве дополнительного фактора указывается недоверие императоров к собственным солдатам, что склоняло их к формированию личной стражи из иностранцев. Наемные отряды составляли внутри византийской армии отдельные корпуса, используя собственное вооружение и методы ведения боевых действий, хотя и находились в подчинении у командиров-ромеев. Их обеспечение осуществлялось посредством митатона (*μιτάτον/μητάτον*), особой повинности для населения империи, заключавшейся во взятии войск на постой и предоставлении им провианта [39, р. 1343, 1385].

По мнению Г. Г. Литаврина, ополчение фем, составлявшее в IX – XI вв. основу византийской армии, выродилось к середине XI в. из-за обнищания рядовых стратиотов. Поэтому императоры в своей военной политике были вынуждены делать ставку на наемников – ромеев и иноземцев. Исследователь отмечал, что иностранные отряды на византийской службе появляются уже в конце X в., а в следующем столетии наблюдается быстрый рост численности этих подразделений [72, с. 70–73]. Выделяются отдельные случаи найма армий других государств. Г. Г. Литаврин обращал внимание на привилегированное положение иноземцев, служивших непосредственно в столице, особенно, в гвардейских частях, их влияние на внутривластные процессы (участие в государственных переворотах, арестах влиятельных особ, мятежах) [72, с. 210] и особый правовой статус [71, с. 99–104].

Переломный момент начала использования «наемников, тагмного войска» Г. Г. Литаврин видит в реформе Никифора II Фоки (963–969), в результате которой средства, полученные благодаря фискализации стратий, направлялись на оплату услуг наемных солдат [70, с. 241–242]. Таким образом, упадок фемного строя обеспечил возрастание роли наемных тагм. Исследователь признавал, что значение этих контингентов было велико уже в правление Василия II. Подобное положение, по его мнению, порождало три проблемы: оплата наемников; их недисциплинированность из-за стремления к добыче; возможность использования этих сил для внутривластного противостояния, включая узурпацию власти.

Отмечалась особая ситуация в пограничных регионах империи, где привлеченные для несения военной службы представители разных народов (болгары, влады, печенеги, кыпчаки, армяне, грузины, сирийцы, арабы и турки) становились основой и движущей силой сепаратизма, вплоть до создания независимых государственных образований [70, с. 253–255].

Процесс роста в армии числа наемников В. В. Кучма также был склонен объяснять кризисом фемной системы к концу IX в. В них он видит в дальнейшем политико-экономические последствия, связанные как с внешнеполитическим положением империи, так и с внутренним кругом проблем, главной из которых стала со временем общая нехватка средств на военные нужды при незначительном их восполнении военной добычей [67, с. 105]. Вопросы структуры и численности подразделений византийской армии IX – X вв. В. В. Кучма подробно рассматривает в специальной статье [68].

К VI – VII вв. в Византии, по мнению В. В. Кучмы, на официальном уровне формируется новый подход к отношениям с отдельными этническими группами, как внутри страны, так и за ее пределами. Эти группы делились на народы, выступавшие в качестве противников империи, военных союзников и этнические анклав, проживавшие на подконтрольных империи территориях, составляя здесь часть ее вооруженных сил [66, с. 92].

В свое время Д. А. Миллером было сделано важное предположение о том, что наемников-иностранцев на византийской службе следует отделять от союзных войск, посылаемых соседними правителями в империю в связи с заключенными с византийским правительством договорами. Союзники либо действовали самостоятельно в районах боевых действий, либо вливались в византийскую армию в качестве отдельных подразделений. Так, к разряду союзников империи Д. А. Миллер относил «русь» после 940-х гг., особенно после заключения договора между князем Владимиром и императором Василием II, военные отряды закавказского происхождения в X в. и печенегов в середине XI в. [29, р. 62–65].

Значительное внимание наемным формированиям в Византии уделила в своей монографии М. Григориу-Иоанниду. По ее мнению, в каждой феме существовали регулярные отряды, служба которых оплачивалась средствами из казны. Подчиняясь стратигу фемы, они составляли ядро фемных сил. М. Григориу-Иоанниду предполагает, что в VIII – IX вв. такие отряды носили имя таксеотов («*ταξέωται*»), а в X в. они трансформировались в тагмы [45, с. 113–118]. Причиной возрастания роли профессионалов-наемников и автономии наемных тагм в XI в. являлся фактор постоянной угрозы на византийских границах, нуждавшихся в длительном присутствии здесь военных сил. М. Григориу-Иоанниду специально рассматривает вопрос иноэтничных воинских формирований, проживавших на территории империи (милингов, влады), а также, что важно, выделяет основные способы комплектования византийских вооруженных сил: налоговый, наследственный, добровольный и наемный (варварский) [45, с. 121–147].

Исследование изменений в военно-политической системе византийского государства в XI – XII вв., закономерно включающее рассмотрение места в ней

иностранных наемников, принадлежит Н. Икономидису [32]. Им был проведен детальный анализ титулов и должностей, связанных со служивыми иноземцами (аколуф, манглавит, этериарх пехоты, этнарх и пр.) [31]. Здесь же следует отметить ряд специальных работ Р. Гийана относительно должности аколуфа и структуры наемных сил [20, р. 79–83]. Две работы Э. Гликатци-Арвейлер посвящены военно-административным структурам империи в IX – XI вв. [19] и византийским военно-морским силам в VII – XV вв. [1].

Французский византист Ж.-Кл. Шене отмечал существенные различия между вспомогательными войсками (фемными и союзными контингентами) и иноземными наемными отрядами, акцентируя внимание на эффективности последних, а также возможности найма профессиональных воинов, специализирующихся в конкретной области военного дела [99, с. 88–89]. Исследователь считал, что вызревший ко второй половине X в. переход к наемному войску, состоявшему как из «национальных» элементов, так и иноземцев, являлся признаком скорее развития, нежели упадка [8, р. 61–74]. Кроме того, он рассматривал проблемы инкорпорации иноземцев, в первую очередь, лидеров наемных отрядов, в византийское общество и государство [6], их организацию и участие в военных кампаниях второй половины XI в. [7].

Подобной точки зрения придерживается в своих работах и Дж. Хэлдон. По его мнению, в конце X – XI вв. Византия, переживая экономический подъем, получает возможность активно привлекать в армию наемников, как местных, так и иностранных. Эти контингенты не только не оказывали на армию деструктивного воздействия, но, наоборот, являлись одной из самых надежных ее частей. Вернувшись к агрессивной внешней политике, империя уделяла все большее внимание регулярным войскам (наемным тагмам), способным проводить наступательные операции. Корпус наемников оказался, таким образом, намного более эффективным, нежели иррегулярные ополчения фем [22, р. 92; 67, р. 582, 587–590]. В то же время Дж. Хэлдон отмечал, что наемники уже с первой половины XI в. начинают, исходя из собственных интересов, играть все большую роль в политических противоречиях внутри империи [98, с. 125–126].

В целом, обозначенный круг проблем неизбежно затрагивался в работах многих исследователей военной истории Византии, среди которых необходимо также отметить работы У. Кэги [25], У. Тредголда [41–43], Э. МакГира [28], И. Хита [23], Т. Доусона [11–12], Д. Николя [30], Дж. Биркенмайера [3], Х.-И. Кюна [26]. Некоторые из этих авторов не придавали большого значения факту существования и усиления иноэтнических воинских контингентов и их влияния на фемную систему и тагмное войско. Например, Х.-И. Кюн считал пополнение сухопутных военных сил за счет переселений этников распространенной практикой, не видя, за отдельными исключениями (архонтии, Этерия), значительных отличий в организации подобных отрядов от собственно византийских [26, с. 31].

Особо необходимо выделить работы по истории армии и военной организации средневизантийского периода, принадлежащие А. С. Мохову, в которых он, рассматривая состояние и развитие военно-административных структур Византии,

ее армии и командного состава вооруженных сил, закономерно затрагивает как участие в них соединений иностранных воинов (наемников и союзников), так и этапы службы отдельных лидеров иноземцев. Ему же принадлежит исследование по специальной терминологии, необходимой для изучения военной истории Византии [81].

Период правления императоров Македонской династии, таких как Василий I (867–886) и Лев VI (886–912), А. С. Мохов определяет «временем стабилизации военно-административной системы Византии и начала длительного периода ее инерционного развития», указывая, что «более ста лет (с 20-х гг. IX в. и до 30-х гг. X в.) организационная структура византийских вооруженных сил увеличивалась количественно (создание новых фем), но качественных изменений не происходило». Постепенный упадок иррегулярных войск старых фем, по его мнению, нельзя объяснить исключительно «кризисом стратиотского землевладения», в то время как сущность происходящих в этот период процессов состояла в осознанной политике помещения регулярных тагм, а не фемных ополчений, в основу византийской военной организации [77, с. 149], «которая оказалась значительно более эффективной и жизнеспособной, чем аналогичные структуры соседних стран и народов» [79, с. 32].

Вооруженные силы империи в первой половине X в., по А. С. Мохову, можно структурировать следующим образом: фемные контингенты, столичные тагмы, элитные и этнические подразделения и «столичное войско» (личная императорская гвардия, Этерия). К 1025 г., когда «по своему экономическому и военному потенциалу Византия являлась самым могущественным государством Средиземноморья и Ближнего Востока», эта система изменилась. Интерес вызывают контингенты, состоявшие из иноземцев и подчинявшиеся лично императору: Этерия, «варяго-русский» корпус, элитные и этнические подразделения. Корпус иностранных наемников, императорская Этерия, по мнению А. С. Мохова, был отделен от тагмного войска и состоял из трех больших отрядов, укомплектованных по этническому принципу: Великой Этерии из македонцев, Средней Этерии (солдаты этого подразделения обозначаются термином «иностранные наемники», вероятно, имеются в виду воины из отдаленных не византийских территорий) и Малой Этерии из арабов-христиан и тюрок [79, с. 19–27].

Изучению структуры Этерии исследователь уделяет особое внимание. В специальной статье он разбирает эволюцию этого подразделения, приходя к выводу, что, будучи в первой половине IX в. незначительным отрядом, во время правления Македонской династии (867–1057) она выросла до «наиболее боеспособного и многочисленного подразделения дворцовой стражи» [80].

В отдельных своих работах А. С. Мохов последовательно характеризует организацию и командный состав византийской армии в правление императоров Константина VIII (1025–1028) [76], Романа III Аргира (1028–1034) [83], Михаила IV Пафлагона (1034–1041), Михаила V Калафата (1041–1042) [78], Константина IX Мономаха (1042–1055) [82].

Наконец, широкий обзор истории византийских вооруженных сил предпринят в монографиях А. В. Банникова и М. А. Морозова, посвященных армии [46] и флоту [47] империи.

Специальные исследования институтов военного наемничества и военного союзничества. В 1874–1875 гг. был издан фундаментальный труд В. Г. Васильевского «Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков» [53]. Опираясь на широкий круг письменных источников византийского, ближневосточного, древнерусского и западноевропейского происхождения, он реконструирует историю корпуса варангов с X по XII вв. Большое внимание В. Г. Васильевский уделяет этническому составу подразделения и определяет его в качестве славянского, «русского», объясняя это синонимичностью понятий «русь» и «варяги» (исходя из ошибочной трактовки источников). Скандинавскому же элементу отводится незначительная роль. Достаточно спорным является и объяснение автором изменений этнического состава контингента со второй половины XI в. По его мнению, англосаксы начинают доминировать в правление императоров династии Комнинов, с их политическим разворотом к «Западу», который «выразился в замене русских православных людей людьми Запада» [53, с. 373–376]. В. Г. Васильевский также обратил внимание на разделение союзных и наемных отрядов, основываясь на замечании Михаила Пселла о наемных (иностранных) войсках («ξενικόν», «ἔθνικόν») и союзных силах («συμμαχικόν»). Относительно этой проблемы исследователем выдвигаются следующие версии: 1) оба термина абсолютно синонимичны; 2) под наемниками подразумеваются лишь императорские отряды («лейб-гвардия», «царские телохранители») в Константинополе в противовес остальным воинам-иноземцам (союзникам) по всей империи [53, с. 310–311], а весь корпус варангов, таким образом, делился на варангов «дворцовых» (наемных) и «внешних» (союзных) [53, с. 217].

Еще одна классическая работа по истории варангских контингентов, «The Varangians of Byzantium», принадлежит исландскому лингвисту С. Блендалю [4]. Она была написана приблизительно в 1940-х гг., но переведена на английский язык и опубликована только в 1978 г. Б. Бенедиксом. С. Блендалю удалось обработать подавляющее большинство письменных источников, а также проанализировать и систематизировать огромное количество эпиграфических памятников (главным образом, рунических камней), касающихся пребывания скандинавов на византийской службе. Историю этих наемников С. Блендаль разделяет на четыре периода в рамках военно-политической истории Византии: 1) русско-скандинавские контингенты от 860-х гг. до смерти императора Романа III Аргири (1028–1034); 2) пребывание на службе дружины Харальда Сигурдссона (1034–1043 гг.); 3) от Харальда до воцарения Алексея I Комнина (1042–1081); 4) от Алексея I Комнина до взятия крестоносцами Константинополя в 1204 г., включая свидетельства о существовании отдельных подразделений вплоть до 1453 г. Он отмечает, что в отдельных случаях отряды наемников имели гораздо большее значение, чем собственно византийские силы.

С. Блендаль рассматривает институт наемничества/союзничества в развитии. Например, императорскую Этерию считает прямым продолжением подразделений готов-федератов, составлявших гвардию римских императоров с III – IV вв. Но, в отличие от В. Г. Васильевского, он настаивает на доминировании именно скандинавского элемента. Более того, С. Блендаль ставит под сомнение распространенный тезис о службе в Великой Этерии солдат-македонцев, заменяя их большим количеством иностранных наемников [4, р. 20–22].

Вопросам эволюции корпуса, изменений в его этническом составе и положения при императорском дворе и в армии посвящены также статьи Б. Бенедикса [2] и Р. М. Докинза [10]. Особый интерес, как нам кажется, представляет неопубликованное исследование Р. М. Докинза «The Varangian Guard at Constantinople», написанное в период 1929–1944 гг. [27]. Также следует отметить монографии Х. Р. Эллис-Дэвидсон «The Viking Road to Byzantium» (1976) [17] и С. Якобссона «The Varangians: In God's Holy Fire» (2020) [24].

Отдельные исследования по военно-политической истории русско-византийских отношений [35], связям Византии со скандинавами, норманнами [37] и англосаксами [36] принадлежат британскому византинисту Дж. Шепарду. В разделах «Кембриджской истории Византийской империи», посвященных Македонскому времени [38], исследователь убедительно продемонстрировал, что наемники вовсе не являлись, как принято считать, теми ненадежными и неверными «псами войны», но составляли эффективную и, при прочих равных условиях, лояльную боевую силу.

Кроме того, Дж. Шепард делает несколько чрезвычайно важных в рамках темы нашего исследования замечаний и предположений относительно разделения терминов «наемники» и «союзники», а также их содержания. Во-первых, термин «наемник», в качестве обозначения иностранного солдата, служащего за плату, появляется в собственно византийских источниках достаточно поздно. Отряды иноземных воинов упоминаются либо как «союзные» и «вспомогательные» (σὺμμαχοί) силы, либо как просто «инородцы» (εθνικοί). Дж. Шепард предполагает, что термин «союзник» использовался не просто в качестве замены неудобного для имперского престижа слова «наемник», но, исходя из реальной ситуации, в том случае, когда отряды варваров действительно поступали на службу от лица своих правителей, а не в качестве независимой «вольной компании». Во-вторых, появление специального термина, обозначающего в источниках солдата по найму (μισθοφόροι), исследователь датирует не ранее конца X в., а в качестве периода его распространения, как общепринятого и обыденного, указывает XI в., например, в хронике Иоанна Скилицы. На этом основании он делает вывод о том, что «большинство воинов иностранного происхождения в Византии до этого времени служили по сути по приказу своих правителей», но, разумеется, за удовлетворительную плату, то есть были именно союзниками, а не наемниками.

Чрезвычайно интересен еще один тезис британского исследователя о том, что наемниками в империи становились, в первую очередь, выходцы из Скандинавского региона и Руси, которые имели: 1) высокую мобильность и технологии,

позволявшие быстро и дешево добираться до Византии; 2) хорошо подготовленную и вооруженную военную элиту, чье мастерство, навыки и боевой опыт были закономерно необходимы византийской армии и ее гвардейским частям [37, р. 280–281].

О гвардейских корпусах, в частности, императорской Этерии, подробно пишет Р. Д'Амато [14], определяя время создания этого подразделения – середина XI в. По его мнению, Этерия формировалась из иностранных наемников, входивших в Виглу. Р. Д'Амато придерживается гипотезы о разделении императорской Этерии по этнорелигиозному принципу на Великую (христианские подданные империи, главным образом, македонцы), Среднюю (фарганы, то есть тюрки Центральной Азии, происходившие из Ферганской долины, и хазары) и Малую или Третью (иноземцы-нехристиане, тюрки, хазары, венгры, арабы, франки и мавры). Подобный подход к формированию подразделения императорских телохранителей из разноплеменных воинских частей объясняется «космополитичным характером» Византийского государства. Македонский же элемент, как считает Р. Д'Амато, был закономерно связан с особой лояльностью этих этериотов по отношению к правящей династии, происходившей из того же региона. Помимо этого, исследователь выстраивает систему высшего командного состава Этерии [14, р. 30–32]. Отдельные работы Р. Д'Амато посвящены истории корпуса варангов [15] и армии Георгия Маниака [16], имевшей в своем составе значительный элемент иностранных наемников, таких как варанги, лангобарды и норманны.

Вопросы, связанные с численностью, организацией и тактикой наемных отрядов руси, варангов и франков в составе византийской армии IX – XI вв., исследуются в специальной работе Г. Феотокиса [40]. В ней делается важное замечание о том, что в период так называемой «Византийской Реконкисты» (956–1025 гг.) крупные негреческие силы, поступающие на византийскую службу, воспринимались еще не как «μισθοφόροι» (наемники), но в качестве «σύμμαχοι» (союзников) и «ἑθνικοί» (чужестранцев). Изменение лексики, как отмечает исследователь, происходит в последующий период (1025–1056 гг.), когда в источниках начинает встречаться первый из терминов, обозначающий именно солдата-наемника (здесь Г. Феотокис солидарен с Дж. Шепардом). Главное же отличие войск союзных от наемных представляется в том, что последние поступали на службу в качестве частных лиц, материально заинтересованных добровольцев («materialistic volunteers»). Первые же находились на службе в рамках договоренностей с дружественными («cordial relations») или зависимыми от империи государствами в период проведения определенной военной кампании [40, р. 125–126]. Большинство работ Г. Феотокиса посвящена норманно-византийскому взаимодействию в Италии и на Балканах: сравнению двух военных систем (столкновению «военных культур», по выражению автора) и, конечно, феномену наемничества.

В целом же истории франко-норманнских наемных отрядов и их предводителей в составе византийских вооруженных сил посвящено большое количество

специальной литературы. Подробный историографический анализ ее выполнен В. В. Прудниковым в работе «Норманны в Малой Азии в XI – XII веках» [86].

В 2009 и 2010 гг. вышло два обширных исследования по нашей теме: «Росы и варанги в Византии X – XII веков: формирование и структурная роль наемного военного контингента» О. М. Лугового [73] и «Русы среди «войск народов» в Византии IX – XI веков: наемники и союзники» А. М. Филипчука [97].

О. М. Луговой определяет задачу формирования варангских отрядов в качестве одной из главных во внешней политике империи X – начала XIII вв. Пребывание иноземных наемников в это время стало мерилом отношений Византии с европейскими странами. Он выделяет четыре формы создания подобных подразделений: 1) союзный договор; 2) формирование отряда византийским представителем на чужих территориях с разрешения местных властей; 3) вступление в подразделение частным порядком; 4) приход на службу паломников и крестоносцев. В исследовании рассмотрены причины, побуждавшие население Руси и Скандинавии («стран-доноров») отправляться в империю в качестве наемников. В их числе: централизация и феодализация, разрушавшие привычный общинный уклад на этих территориях; внешние и внутренние войны и конфликты; престиж и выгоды от пребывания в империи.

Помимо рассмотрения дипломатических, административно-правовых, культурно-религиозных и военно-политических аспектов наемной/союзной службы, О. М. Луговой закономерно уделяет большое внимание вопросам терминологии. Традиция обозначения иноземных контингентов византийским государством и обществом, по его мнению, проходит несколько этапов: 1) «росы» и «тавроскифы» для русско-скандинавских отрядов в X в.; 2) «варанги» для выделившихся из состава исключительно скандинавских отрядов воинов в конце X – начале XI вв. В конце XI в. к первым двум группам добавляются солдаты финского происхождения – кулпинги (κουλίγγων); 3) наконец, в XII в., когда наемные подразделения пополняются все большим числом представителей других этнических групп, византийские историки и чиновничество переходят к нейтральному термину «секироносцы» («пелекофоры»; πελεκυφόρος).

А. М. Филипчук исследует группы выходцев из Скандинавии и Руси, русов-наемников и союзников, середины IX – конца XI вв. с точки зрения социальной истории, определяя их положение как на родине, так и в империи в качестве особой части общества, обладавшей собственной социальной идентичностью. Ее основу он видит в феномене «дружины» как объединения вождя, приближенных к нему воинов и их слуг, чье количество, в зависимости от примеров, разнилось от 500 до 800 человек. Именно такие группы являются одной из сторон русско-византийских договоров 911, 944 и 971 гг., а сами эти договоры представляют соглашения между византийским императором и наемниками-русами. Большое внимание уделяется проблемам международно-правового регулирования наемничества, борьбе императоров за контроль над формированием подобных контингентов и эволюции этих процессов (от союзных договоров и службы княжеских «родичей» до практики найма независимых вооруженных отрядов во главе с собственными лидерами).

А. М. Филипчук делает важное указание на статус элитарных иноземных частей. К 1050–1080-м гг. они становятся одной из составляющих легитимизации власти византийских императоров, что побуждает как василевсов, так и претендентов на престол активно привлекать такие отряды на свою сторону. В этой связи раскрываются и проблемы взаимоотношения власти с наемными/союзными подразделениями: назначения их командного состава, функционирования специальных служб, организации быта, привилегии и оплаты. Автором приведены расчеты доходов и стоимости наемных русов на византийской службе, выделены существовавшие виды оплаты и обеспечения.

В монографии А. М. Филипчука предпринята попытка реконструкции вооружения и снаряжения наемного воина на основе изобразительных и археологических источников. Привлекая широкий круг сфрагистических материалов, ученый выстраивает систему командных должностей и титулов, связанных с наемными корпусами. Вопреки предшествующей историографической традиции, им делается важнейшее, на наш взгляд, предположение относительно группы моливдовулов «ἐπί τῶν βαρβάρων» (глав ведомства варваров/начальников варваров/«из варваров»): по крайней мере часть этих людей являлись предводителями наемных русских дружин.

А. М. Филипчук доказывает, что византийский термин «варанги» (βαράγγοι) впервые появляется в хронике Иоанна Скилицы при описании событий 1034 г. и в данном случае используется не в качестве этногеографической характеристики, а для обозначения наемных воинов, служивших за пределами императорского дворца. Исследователь полагает, что этот термин употреблялся в 1050–1080-е гг. для всех категорий наемных/союзных сил. Для отрядов русов, по его мнению, существовало и конкретное название – «наемный корпус» (ξενολογικόν), а сам процесс привлечения на службу именовался «вербовкой наемников» (ξενολογέω). Он также разделяет статус «наемников» (μισθοφόροι; ἐθνικοί) и «союзников» (συνμάχοι).

Наконец, отдельным сюжетам изучения проблематики истории военного союзничества и наемничества в Византии, на примере выходцев с территорий Северо-Западной Европы и Руси, посвящены исследования Е. А. Мельниковой [74], Т. Н. Джаксон [59], М. В. Бибикова [49–51], К. Н. Сиггаар [9], А. А. Роменского [89], Ф. А. Андрощука [5] и А. С. Щавелева [61].

Завершая наш историографический обзор, перечислим основные нерешенные проблемы и направления по интересующей теме исследования. К ним следует отнести такие вопросы:

1) Соотношение и содержание институтов наемничества и союзничества в военном, социальном, политическом, юридическом, религиозном, экономическом и дипломатическом аспектах;

2) Содержание используемого понятийного аппарата. Например, характеристика и применение таких терминов как «федераты»/«союзники»/«наемники», «росы»/«варанги»/«варанго-росы»;

3) Этнический состав подразделений иностранных наемников и изменения в этом смысле, фиксируемые со временем в источниках;

4) Роль религии во взаимоотношениях с союзниками и наемниками: пути и методы их христианизации, использование религиозного фактора в качестве инструмента распространения имперского влияния и пропаганды;

5) Пути и модели привлечения иностранцев на военную службу, организация и особый правовой статус наемных/союзных контингентов, система выплат и поощрений, титулы и командные должности;

6) Восприятие иноземцев византийским обществом, формирование образа воина-наемника в сочинениях представителей византийской аристократии и чиновников-интеллектуалов;

7) Причины и предпосылки роста количества и значения иностранных военных контингентов в византийской армии и государстве, оценка их эффективности. Здесь следует сказать о факте существования двух противоречащих друг другу подходов. Одна часть исследователей, в основном западноевропейская историографическая традиция, видела в привлечении наемников свидетельство экономического роста и восстановления военно-политического потенциала империи, перехода к активной экспансии, в то время, как другая, в основном советская историографическая традиция, наоборот, усматривала в опоре на наемные силы признаки упадка и разложения Византийского государства, деградации экономики и военных сил империи.

Подводя итоги, можно констатировать, что в своем развитии представления в историографии о византийской военной системе середины IX – начала XII вв. и месте в ней отрядов солдат-иноземцев прошли путь от восприятия продолжения римской имперской традиции, когда «угасающая» Восточно-Римская империя опиралась на множество варваров-федератов, до формирования обоснованных заключений о сугубо византийских институтах военного найма и союзничества, основанных на особых формах военно-административного устройства и дипломатических практиках.

Список использованных источников и литературы

1. Ahrweiler H. Byzance et la mer. La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe – XVe siècles / Paris: P.U.F., 1966. – 502 p.
2. Benedikt B.S. The evolution of the Varangian regiment in the Byzantine army // *Byzantinische Zeitschrift*. – 1969. – Bd. 62(1). – S. 20–24.
3. Birkenmeier J.W. The Development of the Komnenian Army, 1081–1180 / Leiden; Boston; Cologne: Brill, 2002. – 263 p.
4. Blöndal S. The Varangians of Byzantium / Translated, revised, and rewritten by Benedikt S. Benediktz. – Cambridge University Press, 2007. – 242 p.
5. Byzantium and the Viking World / Ed. by Fedir Androshchuk, Jonathan Shepard, Monica White. – Uppsala University, 2016. – 463 p.
6. Cheynet J.-C. Les officiers étrangers dans l'armée byzantine aux Xe – XIIe siècle // *Guerre et société au Moyen âge: Byzance – Occident (VIIIe – XIIIe siècle)* / Peeters Publishers, 2010. – P. 43–62.
7. Cheynet J.-C. Mantzikert: un desastre militaire? // *Byzantion*. – Bruxelles, 1980. – T. L. – P. 411–438.
8. Cheynet J.-C. The Byzantine Aristocracy and its Military Function / Aldershot, 2006. – 380 p.
9. Ciggaar K. N. Western travelers to Constantinople: The West and Byzantium, 962–1204: Cultural and Political Relations / New York: E.J. Brill, 1996. – 396 p.

10. Dawkins R. M. The Later History of the Varangian Guard: Some Notes // *The Journal of Roman Studies*. – 1947. – Vol. 37, Parts 1 and 2. – P. 39–46.
11. Dawson T. Byzantine Cavalryman c. 900–1204 / Illustrator Giuseppe Rava. – Osprey Publishing, 2009. – 66 p.
12. Dawson T. Byzantine infantryman: Eastern Roman empire c. 900–1204 / Illustrator Angus McBride. – Osprey Publishing, 2007. – 68 p.
13. Du Cange C. Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis: I–II / Graz, Austria: Akademische Druck, 1958. – 2110 p.
14. D’Amato R. Byzantine Imperial Guardsmen 925–1025: The Tághmata and Imperial Guard / Osprey Publishing, 2012. – 66 p.
15. D’Amato R. The Varangian Guard 988–1453 / Illustrator Giuseppe Rava. – Osprey Publishing, 2010. – 48 p.
16. D’Amato R. The equipment of Georgios Maniakes and his army according to the Skylitzes Matritensis miniatures and other artistic sources of the middle Byzantine period / ИОРФУРА, 2005. – 75 p.
17. Ellis-Davidson H. R. The Viking road to Byzantium / London: Allen & Unwin, 1976. – 341 p.
18. Finlay G. A History of Greece: The Byzantine and Greek empires / Ed. H.F. Tozer. – Oxford, 1877. – Vol. III, Part II. – 526 p.
19. Glykatzi-Ahrweiler H. Recherches sur l’administration de l’empire byzantin aux IX – XI-e siècles // *Bulletin de Correspondance Hellénique*. – Paris, 1960. – Vol. 84(1). – P. 1–111.
20. Guillard R. Études sur l’histoire administrative de l’empire byzantin: les commandants de la garde impériale, ἑπὶ τοῦ στρατοῦ et le juge de l’armée // *Revue des études byzantines*. – 1960. – T. 18. – P. 79–96.
21. Haldon J. F. L’armée au XIe siècle, quelques questions // *Travaux et Mémoires*. – 2017. – Vol. 21/2. – P. 581–592.
22. Haldon J. F. Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565–1204 / Taylor & Francis e-Library, 2003. – 389 p.
23. Heath I. Byzantine Armies 886–1118 / Illustrator Angus McBride. – Osprey Publishing, 1979. – 38 p.
24. Jakobsson S. The Varangians: In God’s Holy Fire / Palgrave Macmillan, 2020. – 230 p.
25. Kaegi W. E. Army, Society and Religion in Byzantium / London, 1982. – 320 p.
26. Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata / Wien: Verlag Fassbaender, 1991. – 327 s.
27. Mackridge P. R. M. Dawkins and Byzantium // *Through the Looking Glass: Byzantium through British Eyes* / Ed. by R. Cormack, E. Jeffreys. – Aldershot: Variorum Collected Studies, 2000. – P. 185–95.
28. McGeer E. Sowing the Dragon’s Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century / Washington, D. C., 1995. – *Dumbarton Oaks Studies*, 33. – 405 p.
29. Miller D. A. Byzantine Treaties and Treaty-Making: 500–1025 AD / *Byzantinoslavica*. – 1971. – Vol. 32(1). – P. 56–76.
30. Nicolle D. Romano-Byzantine armies 4th – 9th centuries / Illustrator Angus McBride. – Osprey Publishing, 1992. – 48 p.
31. Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles / Paris, 1972. – 403 p.
32. Oikonomidès N. L’évolution de l’organisation administrative de l’Empire byzantin au XIe siècle (1025–1118) // *Travaux et mémoires*. – 1976. – Vol. 6. – P. 125–152.
33. Oman C. W. C. The Art of War: The Middle Ages: A.D. 378–1515 / Oxford–London, 1885. – 140 p.
34. Oman C. W. C. The Byzantine Empire / London–New York, 1892. – 367 p.
35. Shepard J. Some problems of Russo-Byzantine relations c. 860-c. 1050 // *The Slavonic and East European Review*. – Cambridge University Press, 1974. – Vol. 52. №126. – P. 10–33.
36. Shepard J. The English and Byzantium: A Study of their role in the byzantine army in the later eleventh century // *Traditio*. – 1973. – Vol. 29. – P. 53–92.
37. Shepard J. The uses of Franks in eleventh century Byzantium // *Anglo-Norman Studies*. – Boydell Press, 1993. – Vol. 15. – P. 275–307.
38. The Cambridge history of the Byzantine Empire: c. 500–1492 / Ed. by J. Shepard. – Cambridge University Press, 2008. – P. 493–559.

39. The Oxford Dictionary of Byzantium: 3 vols. / Ed. by Alexander P. Kazhdan. – New York: Oxford University Press, 1991. – 2232 pp.
40. Theotokis G. Rus, Varangian and Frankish mercenaries in the service of the Byzantine Emperors (9th – 11th c.) – Numbers, Organisation and Battle Tactics in the operational theatres of Asia Minor and the Balkans // *Byzantina Symmeikta*. – 2012. – Vol. 22. – P. 125–156.
41. Treadgold W. Byzantium and Its Army, 284–1081 / Stanford: Stanford University Press, 1995. – 250 p.
42. Treadgold W. Notes on the Numbers and Organization of the Ninth–Century Byzantine Army // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. – 1980. – Vol. 21. №3. – P. 269–288.
43. Treadgold W. The Army in the Works of Constantine Porphyrogenitus // *Rivista di Studi Bizantini e Neellenici*. – 1992. – Vol. 29. – P. 77–162.
44. Vasiliev A. A. The Opening Stages of the Anglo-Saxon Immigration to Byzantium in the Eleventh Century // *Annales de l'Institut Kondakov (Seminarium Kondakovianum)*. – Praha, 1937. – Vol. 9. – P. 39–70.
45. Γρηγορίου-Ιωαννίδου Μ. Παρακμή και πτώση του θεματικού δεσμού. Συμβολή στην εξέλιξη της διοικητικής και της στρατιωτικής οργάνωσης του Βυζαντίου από το 10 αι. κ. ε. / *Θεσσαλονίκη*, 1985. – 165 σ.
46. Банников А. В. Византийская армия (IV – XII вв.) / А. В. Банников, М. А. Морозов. – СПб.: ЕВΡΑΖΙЯ, 2013. – 688 с.
- Bannikov A. V. Vizantiiskaya armiya (IV – XII vv.) / A. V. Bannikov, M. A. Morozov. – SPb.: EVRAZIYA, 2013. – 688 s.
47. Банников А. В. История военного флота Рима и Византии (от Юлия Цезаря до завоевания крестоносцами Константинополя) / А. В. Банников, М. А. Морозов. – СПб.: ЕВΡΑΖΙЯ, 2014. – 592 с.
- Bannikov A. V. Istoriya voennogo flota Rima i Vizantii (ot Yuliy Tsezarya do zavoevaniya krestonostsami Konstantinopolya) / A. V. Bannikov, M. A. Morozov. – SPb.: EVRAZIYA, 2014. – 592 s.
48. Бенешевич В. Н. Очерки по истории Византии / СПб.: Изд. Студ. изд-ва ком. при Ист.-филол. фак. СПб. ун-та, 1912. – Вып. 1. – 195 с.
- Beneshevich V. N. Ocherki po istorii Vizantii / SPb.: Izd. Stud. izd-va kom. pri Ist.-filol. fak. SPb. un-ta, 1912. – Vyp. 1. – 195 s.
49. Бибигов М. В. К варяжской просопографии Византии // *Scando-Slavica*. – Копенгаген, 1990. – Т. 36. – С. 161–171.
- Bibikov M. V. K varyazhskoi prosopografii Vizantii // *Scando-Slavica*. – Kopengagen, 1990. – T. 36. – S. 161–171.
50. Бибигов М. В. Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками X в. // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. – М., 2005. – №1(19). – С. 5–15.
- Bibikov M. V. Rus' v vizantiiskoi diplomatii: dogovory Rusi s grekami X v. // *Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki*. – M., 2005. – №1(19). – S. 5–15.
51. Бибигов М. В. Скандинавский мир в византийской литературе и актах // *Скандинавский сборник*. – Таллин: Ээсти Раамат, 1986. – Вып. 30. – С. 97–105.
- Bibikov M. V. Skandinavskii mir v vizantiiskoi literature i aktakh // *Skandinavskii sbornik*. – Tallin: Eesti Raamat, 1986. – Vyp. 30. – S. 97–105.
52. Васильев А. А. История Византийской империи: от начала Крестовых походов до падения Константинополя / СПб.: Алетейя, 1998. – 583 с.
- Vasil'ev A. A. Istoriya Vizantiiskoi imperii: ot nachala Krestovykh pokhodov do padeniya Konstantinopolya / SPb.: Aleteiya, 1998. – 583 s.
53. Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // *Труды В. Г. Васильевского*. – СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1908. – Т. 1. – С. 176–377.
- Vasil'evskii V. G. Varyago-russkaya i varyago-angliiskaya družhina v Konstantinopole XI i XII vekov // *Trudy V. G. Vasil'evskogo*. – SPb.: Tip. Imp. Akad. Nauk, 1908. – T. 1. – S. 176–377.
54. Гейсман П. А. Краткий курс истории военного искусства в средние и новые века / сост. П. А. Гейсман. – СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1893. – Ч. 1. – 170 с.
- Geisman P. A. Kratkii kurs istorii voennogo iskusstva v srednie i novye veka / sost. P. A. Geisman. – SPb.: Tip. S. N. Khudekova, 1893. – Ch. I. – 170 s.

55. Герцберг Г. Ф. История Византии / Пер., прим. и прил. П. В. Безобразова. – М.: Изд. К. Т. Солдатенкова, 1897. – 674 с.
Gertsberg G. F. Istoriya Vizantii / Per., prim. i pril. P. V. Bezobrazova. – M.: Izd. K. T. Soldatenkova, 1897. – 674 s.
56. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи: издание Джоржа Белля 1877 года / с прим. Гизо, Венка, Шрейтера, Гуго и др.; пер. с англ. В. Н. Неведомский. – М.: Изд. К. Т. Солдатенкова: Тип. В. Ф. Рихтер, 1885. – Ч. 6. – 613 с.
Gibbon E. Istoriya upadka i razrusheniya Rimskoi imperii: izdanie Dzhorzh Bellya 1877 goda / s prim. Gizo, Venka, Shreitera, Gugo i dr.; per. s angl. V. N. Nevedomskii. – M.: Izd. K. T. Soldatenkova: Tip. V. F. Rikhter, 1885. – Ch. 6. – 613 s.
57. Голицын Н. С. Всеобщая военная история средних времен: Части первая и вторая / сост. кн. Н. С. Голицын. – СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1876. – 328 с.
Golitsyn N. S. Vseobshchaya voennaya istoriya srednikh vremen: Chasti pervaya i vtoraya / sost. kn. N. S. Golitsyn. – SPb.: Tip. tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1876. – 328 s.
58. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории / СПб.: Наука; Ювента, 1996. – Т. 3: Средневековье. – 448 с.
Del'bryuk G. Istoriya voennogo iskusstva v ramkakh politicheskoi istoriei / SPb.: Nauka; Yuventa, 1996. – T. 3: Srednevekov'e. – 448 s.
59. Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. / М.: Языки русской культуры, 2000. – 192 с.
Dzhakson T. N. Chetyre norvezhskikh konunga na Rusi: Iz istorii russko-norvezhskikh politicheskikh otnoshenii poslednei treti X – pervoi poloviny XI v. / M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. – 192 s.
60. Диль Ш. Основные проблемы византийской истории / пер. с фр. и предисл. Б. Т. Горянова; под ред. С. Д. Сказкина. – М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1947. – 185 с.
Dil' Sh. Osnovnye problemy vizantiiskoi istorii / per. s fr. i predisl. B. T. Goryanova; pod red. S. D. Skazkina. – M.: Gos. izd-vo inostr. lit., 1947. – 185 s.
61. Цавелев А. С. Известие о «северных скифах» («россах») в разделе «Ναυμαχικά» трактата «Тактика» византийского императора Льва VI Мудрого // Историческая география / Отв. ред. И. Г. Коновалова. – М.: Аквилон, 2016. – Т. 3. – С. 236–250.
Shchavel'ev A. S. Izvestie o «severnnykh skifakh» («rosakh») v razdele «Ναυμαχικά» traktata «Taktiká» vizantiiskogo imperatora L'va VI Mudrogo // Istoricheskaya geografiya / Otv. red. I. G. Konovalova. – M.: Akvilon, 2016. – T. 3. – S. 236–250.
62. История военного искусства // Военная энциклопедия. – СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1913. – Т. 11: Инкерман – Кальмар-зунд. – С. 80–109.
Istoriya voennogo iskusstva // Voennaya entsiklopediya. – SPb.: T-vo I. D. Sytina, 1913. – T. 11: Inkerman – Kal'mar-zund. – S. 80–109.
63. Каждан А. П. Византийская культура (X – XII вв.) / М.: Наука, 1968. – 233 с.
Kazhdan A. P. Vizantiiskaya kul'tura (X – XII vv.) / M.: Nauka, 1968. – 233 s.
64. Кекавмен. Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI в. / Подгот. текста, введ., пер. и коммент. Г. Г. Литаврина. – М.: Наука, 1972. – 746 с.
Kekavmen. Sovety i rasskazy Kekavmena: Sochinenie vizantiiskogo polkovodtsa XI v. / Podgot. teksta, vved., per. i komment. G. G. Litavrina. – M.: Nauka, 1972. – 746 s.
65. Курбатов Г. Л. История Византии (От античности к феодализму): учеб. пособие для студ. ист. фак. вузов / М.: Высш. шк., 1984. – 207 с.
Kurbatov G. L. Istoriya Vizantii (Ot antichnosti k feodalizmu): ucheb. posobie dlya stud. ist. fak. vuzov / M.: Vyssh. shk., 1984. – 207 s.
66. Кучма В. В. Военная организация Византийской империи / СПб.: Алетея, 2001. – 425 с.
Kuchma, V. V. Voennaya organizatsiya Vizantiiskoi imperii / SPb.: Aleteiya, 2001. – 425 s.
67. Кучма В. В. Военно-экономические проблемы византийской истории на рубеже IX – X вв. по «Тактике Льва» // Античная древность и средние века. – Свердловск, 1973. – Вып. 9. – С. 102–113.

Kuchma V. V. Voenno-ekonomicheskie problemy vizantiiskoi istorii na rubezhe IX – X vv. po «Taktike L'va» // *Antichnaya drevnost' i srednie veka.* – Sverdlovsk, 1973. – Вып. 9. – С. 102–113.

68. Кучма В. В. Из истории византийского военного искусства на рубеже IX – X вв. (Структура и численность армейских подразделений) // *Античная древность и средние века.* – Сverdlovsk, 1975. – Вып. 12. – С. 79–85.

Kuchma V. V. Iz istorii vizantiiskogo voennogo iskusstva na rubezhe IX – X vv. (Struktura i chislennost' armeiskikh podrazdelenii) // *Antichnaya drevnost' i srednie veka.* – Sverdlovsk, 1975. – Вып. 12. – С. 79–85.

69. Левченко М. В. История Византии: краткий очерк / М.; Л.: ОГИЗ, 1940. – 264 с.

Levchenko M. V. Istoriya Vizantii: kratkii ocherk / М.; Л.: OGIZ, 1940. – 264 s.

70. Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X – XI вв.: проблемы истории одного столетия, 976–1081 гг. / М.: Наука, 1977. – 311 с.

Litavrin G. G. Vizantiiskoe obshchestvo i gosudarstvo v X – XI vv.: problemy istorii odnogo stoletiya, 976–1081 gg. / М.: Nauka, 1977. – 311 s.

71. Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.) / СПб.: Алетейя, 2000. – 398 с.

Litavrin G. G. Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus' (IX – nachalo XII v.) / SPb.: Aleteiya, 2000. – 398 s.

72. Литаврин Г. Г. Как жили византийцы / М.: Наука, 1974. – 192 с.

Litavrin G. G. Kak zhili vizantiitsy / М.: Nauka, 1974. – 192 s.

73. Луговий О. М. Роси та варанги у Візантії X – XII ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту: автореф. дис. ... канд. іст. наук / 07.00.02 – Всесвітня історія; Одеський нац. ун-т ім. І. І. Мечникова. – Одеса, 2008. – 19 с.

Lugovii O. M. Rosi ta varangi u Vizantii X – XII st.: formuvannya ta strukturna rol' naimanogo viiskovogo kontingentu: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / 07.00.02 – Vsesvitnya istoriya; Odes'kii nats. un-t im. I. I. Mechnikova. – Odesa, 2008. – 19 s.

74. Мельникова Е. А. Варяги, варанги, вэринги: скандинавы на Руси и в Византии // *Византийский временник.* – М.: Наука, 1998. – Т. 55(80). – Ч. 2. – С. 159–164.

Me'nikova E. A. Varyagi, varangi, veringi: skandinavyy na Rusi i v Vizantii // *Vizantiiskii vremennik.* – М.: Nauka, 1998. – Т. 55(80). – Ч. 2. – С. 159–164.

75. Михневич Н. П. История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия / СПб.: Паровая Скоропечатня П. О. Яблонского, 1896. – 537 с.

Mikhnevich N. P. Istoriya voennogo iskusstva s drevneishikh vremen do nachala devyatnadsatogo stoletiya / SPb.: Parovaya Skoropchatnya P. O. Yablonskogo, 1896. – 537 s.

76. Мохов А. С. Командный состав византийской армии в правление Константина VIII // *Античная древность и средние века.* – Сverdlovsk: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1997. – Вып. 28. – С. 19–33.

Mokhov A. S. Komandnyi sostav vizantiiskoi armii v pravlenie Konstantina VIII // *Antichnaya drevnost' i srednie veka.* – Sverdlovsk: Izd-vo Ural. gos. un-ta, 1997. – Вып. 28. – С. 19–33.

77. Мохов А. С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в.: развитие военно-административных структур / Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 278 с.

Mokhov A. S. Vizantiiskaya armiya v seredine VIII – seredine IX v.: razvitie voenno-administrativnykh struktur / Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013. – 278 s.

78. Мохов А. С. Военная политика императоров-Пафлагонцев (1034–1042) // *Античная древность и средние века.* – Екатеринбург, 2005. – Вып. 36: материалы XII Международных научных Сюзюмовских чтений (Севастополь, 6–10 сентября 2004 г.). – С. 145–170.

Mokhov A. S. Voennaya politika imperatorov-Paflagontsev (1034–1042) // *Antichnaya drevnost' i srednie veka.* – Ekaterinburg, 2005. – Вып. 36: materialy XII Mezhdunarodnykh nauchnykh Syuzyumovskikh chtenii (Sevastopol', 6–10 sentyabrya 2004 g.). – С. 145–170.

79. Мохов А. С. Военные преобразования в Византийской империи во второй половине X – начале XI в. // *Известия Уральского государственного университета.* – 2004. – №31. – С. 14–34.

Mokhov A. S. Voennye preobrazovaniya v Vizantiiskoi imperii vo vtoroi polovine X – nachale XI v. // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2004. – №31. – С. 14–34.

80. Мохов А. С. Дворцовая стража в Византии первой половины IX века: манглавиты и императорская этерия // *Античная древность и средние века*. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – Вып. 44. – С. 124–136.

Mokhov A. S. Dvortsovaya strazha v Vizantii pervoi poloviny IX veka: manglavity i imperatorskaya eteriya // *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2016. – Vyp. 44. – S. 124–136.

81. Мохов А. С. Исследования по истории византийской армии: теория и терминология // *Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории*. – М., 2014. – Вып. 48. – С. 45–58.

Mokhov A. S. Issledovaniya po istorii vizantiiskoi armii: teoriya i terminologiya // *Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noi istorii*. – M., 2014. – Vyp. 48. – S. 45–58.

82. Мохов А. С. К вопросу о византийской военной организации в период войны с печенегами 1046–1053 гг. // *Известия Уральского государственного университета*. – 2005. – №39. – С. 15–26.

Mokhov A. S. K voprosu o vizantiiskoi voennoi organizatsii v period voyny s pechenegami 1046–1053 gg. // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2005. – № 39. – S. 15–26.

83. Мохов А. С. Командный состав византийской армии в XI в.: правление Романа III Аргири (1028–1034) // *Античная древность и средние века*. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2000. – Вып. 31. – С. 173–197.

Mokhov A. S. Komandnyi sostav vizantiiskoi armii v XI v.: pravlenie Romana III Argira (1028–1034) // *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. – Ekaterinburg: Ural. gos. un-t, 2000. – Vyp. 31. – S. 173–197.

84. Оболенский Д. Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов / М.: Янус-К, 1998. – 655 с.

Obolenskii D. D. Vizantiiskoe Sodruzhestvo Natsii. Shest' vizantiiskikh portretov / M.: Yanus-K, 1998. – 655 s.

85. Острогорский Г. А. История Византийского государства / Пер. с нем. М.В. Грацианский; ред. П. В. Кузенков. – М.: Сибирская Благозвонница, 2011. – 895 с.

Ostrogorskii G. A. Istoriya Vizantiiskogo gosudarstva / Per. s nem. M.V. Gratsianskii; red. P. V. Kuzenkov. – M.: Sibirskaya Blagovonnitsa, 2011. – 895 s.

86. Прудников В. В. Норманны в Малой Азии в XI – XII вв.: дис. ... канд. ист. наук / 07.00.03 – Всеобщая история; Ин-т востоковедения РАН. – М., 2016. – 292 л.

Prudnikov V. V. Normanny v Maloi Azii v XI – XII vv.: dis. ... kand. ist. nauk / 07.00.03 – Vseobshchaya istoriya; In-t vostokovedeniya RAN. – M., 2016. – 292 l.

87. Пузыревский А. К. История военного искусства в средние века (V – XVI стол.) / СПб.: Тип. штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа, 1884. – Ч. I. – 239 с.

Puzyrevskii A. K. Istoriya voennogo iskusstva v srednie veka (V–XVI stol.) / SPb.: Tip. shtaba voisk Gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga, 1884. – Ch. I. – 239 s.

88. Разин Е. А. История военного искусства VI – XVI вв. / СПб.: Полигон, 1999. – 656 с.

Razin E. A. Istoriya voennogo iskusstva VI – XVI vv. / SPb.: Poligon, 1999. – 656 s.

89. Роменский А. А. Империя ромеев и «тавроскифы»: очерки русско-византийских отношений последней четверти X в. / Харьков: Майдан, 2017. – 340 с.

Romenskii A. A. Imperiya romeev i «tavroskify»: ocherki russko-vizantiiskikh otnoshenii poslednei chetverti X v. / Khar'kov: Maidan, 2017. – 340 s.

90. Рюстов Ф. В. История пехоты / Пер. с нем. А. К. Пузыревского; под ред. А. Е. Станкевича. – СПб.: Типография В.П. Воленса, 1876. – Т. 1. – 343 с.

Ryustov F. V. Istoriya pekhoty / Per. s nem. A. K. Puzyrevskogo; pod red. A. E. Stankevicha. – SPb.: Tipografiya V.P. Volensa, 1876. – T. 1. – 343 s.

91. Скабаланович Н. А. Византийское государство и Церковь в XI веке: От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина: в 2-х кн. / СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. – Кн. 2. – 416 с.

Skabalanovich N. A. Vizantiiskoe gosudarstvo i Tserkov' v XI veke: Ot smerti Vasiliya II Bolgaroboitsy do votsareniya Alekseya I Komnina: v 2-kh kn. / SPb.: Izd-vo Olega Abyshko, 2004. – Kn. 2. – 416 s.

92. Строков А. А. История военного искусства / М.: Воениздат, 1955. – Т. 1. – 663 с.

Strokov A. A. Istoriya voennogo iskusstva / M.: Voenizdat, 1955. – T. 1. – 663 s.

93. Сюзюмов М. Я. Византийские этюды / Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 396 с.
Syuzumov M. Ya. Vizantiiskie etyudy / Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2002. – 396 s.
94. Успенский Ф. И. Военное устройство византийской империи // Известия Русского археологического института в Константинополе. – София: Държавна печатница, 1900. – Т. 6, вып. 1. – С. 154–207.
Uspenskii F. I. Voennoe ustroistvo vizantiiskoi imperii // Izvestiya Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole. – Sofiya: D"rzhavna pechatnitsa, 1900. – T. 6, vyp. 1. – S. 154–207.
95. Успенский Ф. И. История Византийской империи: Комнины / М.: Изд-во АН СССР, 1948. – Т. 3. – 860 с.
Uspenskii F. I. Istoriya Vizantiiskoi imperii: Komniny / M.: Izd-vo AN SSSR, 1948. – T. 3. – 860 s.
96. Успенский Ф. И. История Византийской империи: Период Македонской династии (867–1057) / Сост. Л. В. Литвинова. – М.: Мысль, 1997. – Т. 3. – 527 с.
Uspenskii F. I. Istoriya Vizantiiskoi imperii: Period Makedonskoi dinastii (867–1057) / Sost. L. V. Litvinova. – M.: Mysl', 1997. – T. 3. – 527 s.
97. Филипчук О. М. Руси серед «військ народів» у Візантії IX – XI ст.: найманці та союзники: дис. ... канд. іст. наук / 07.00.01 – історія України; Чернівецький нац. ун-т ім. Ю. Федьковича / Чернівці, 2010. – 502 с.
Filipchuk O. M. Rusi sered «viis'k narodiv» u Vizantii IX – XI st.: naimantsi ta soyuzniki: dis. ... kand. ist. nauk / 07.00.01 – istoriya Ukraïni; Chernivets'kii nats. un-t im. Yu. Fed'kovicha / Chernivtsi, 2010. – 502 s.
98. Хэлдон Дж. История византийских войн / Пер. с англ. М. А. Карапушина, С. С. Луговского. – М.: Вече, 2007. – 482 с.
Kheldon Dzh. Istoriya vizantiiskikh voin / Per. s angl. M. A. Karapupina, S. S. Lugovskogo. – M.: Veche, 2007. – 482 s.
99. Шене Ж.-Кл. История Византии / Москва, 2006. – 160 с.
Shene Zh.-Kl. Istoriya Vizantii / Moskva, 2006. – 160 с.

Karashayski K. M. Institutions of Military Mercenarism and Military Alliance in the Army of the Byzantine Empire in the Middle of the 9th – Early of the 12th Centuries: To the Historiography of the Question

The article makes an attempt to trace the evolution of views on the Byzantine military-administrative system of the middle 9th – early 12th centuries and the place of foreign mercenary and allied elements in it, and also to distinguish some basic historiographical problems connected with the raised theme. These include problems of terminology (the correlation between the concepts of «foederati», «mercenaries» and «allies»); ethnicity and religious affiliation; legal status and diplomatic relations; recruitment, organization and provision of foreign military formations; conditions leading to their active use in imperial politics and military campaigns; reflection of perceptions of foreign mercenaries and attitudes towards them in Byzantine literature. It examines the separation and content of the institutions of military mercenarism and military alliance as two forms of employing foreign military contingents in the Byzantine army and their role in the internal and external affairs of the empire.

Keywords: Byzantium, Byzantine army, military mercenarism, military alliance, etheria, varangians, Rus' people.